

О. С. Струков, В. Н. Арнольд

«НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЕ» В САМАРСКОМ ОКРУЖНОМ СУДЕ

В Самаре, в годы, когда в ней жил В. И. Ленин, существовало несколько либеральных кружков, собиравшихся в домах председателя окружного суда В. И. Анненкова, присяжного поверенного А. Н. Хардина, судебного следователя Я. Л. Тейтеля, адвокатов Г. А. Клеменца, К. К. Позерна, Г. О. Гиршфельда и других. Это были люди, принимавшие в какой-то степени участие в революционном движении, в большинстве случаев с позиций либеральных народников, и находившиеся под постоянным наблюдением полиции. Тем более что в их домах собиралась не только либеральная часть самарского общества, но и лица, состоящие под гласным или негласным надзором полиции, считавшиеся государственными преступниками.

В 1878—1897 годах председателем Самарского окружного суда был Владимир Иванович Анненков (1831—1897). Он родился в лачуге Петровского завода Тобольской губернии, где отец его, декабрист Иван Александрович Анненков, отбывал наказание с другими своими товарищами. Мать Владимира Ивановича, Прасковья Егоровна Гебль, француженка, как и русские женщины, последовала за мужем в Сибирь и там разделяла с ним годы испытаний. В 1838 году, после 12 лет каторги, отца перевели в Тобольск на поселение. Окончив курс в Тобольской гимназии, где преподавал в то время автор «Конька-горбунка» Ершов, Владимир Иванович, не получив по окончании гимназии разрешения поступить в университет, был вынужден начать службу в качестве канцеляриста в Тобольском губернском правлении. Манифест 1856 года, амнистировавший декабристов, позволил родителям переселиться на родину, в Нижний Новгород, и восстановил их в правах. Владимир Иванович, которому было уже 25 лет, служил в Нижнем Новгороде сначала чиновником особых поручений при губернаторе, затем нижегородским мировым судьей. С этих пор он посвящает себя судебной деятельности, работая председателем Харьковского, а затем Самарского окружных судов¹.

¹ Адрес-календарь г. Самары на 1898 год.

Дочь В. И. Анненкова Мария Владимировна в своих воспоминаниях пишет: «Наш дом часто посещали молодые люди — судебные следователи, присяжные поверенные и т. д. Отец любил молодые, свежие мысли... Молодые люди... с интересом слушали рассказы отца о декабристах. Был другой молодой человек... который с глубоким интересом относился к истории восстания декабристов... Он был не особенно большого роста, все черты его лица носили отпечаток не только обширного ума, но и непреклонной энергии. Он в это время был помощником присяжного поверенного популярного адвоката Хардина. Его имя было Владимир Ильич Ульянов, в последствии от стал известен миру как Ленин»¹.

Утверждая в январе 1892 года молодого юриста Владимира Ильича Ульянова помощником присяжного поверенного А. Н. Хардина, В. И. Анненков, в нарушение правил, не потребовал от него «свидетельства о благонадежности», хотя и знал, что он находится под негласным надзором полиции.

Сам В. И. Анненков не был поднадзорным, но как человек подозрительный, на квартире которого собирались личности, неблагонадежные в политическом отношении, он был занесен жандармами в «Алфавит лицам, привлекавшимся к дознаниям о государственных преступлениях, поднадзорным, политически неблагонадежным и замеченным в чем-либо предосудительном»².

В 1867 году в Самару приехал уроженец села Сколкова Самарского уезда кандидат прав Андрей Николаевич Хардин (1842—1910), работавший мировым посредником на Хлунецких заводах Вятской губернии. Там он вызвал недовольство заводоладельцев тем, что сумел уговорить вятского губернатора, напугав его бунтом рабочих, арестовать деньги, причитавшиеся заводам за заказы, благодаря чему рабочим выплатили жалованье за несколько месяцев. В 1868 году Хардин становится членом Самарской губернской земской управы, а в 1872 году ее председателем. При его ближайшем участии была открыта школа земских учительниц, начата постройка земской больницы, прошел первый съезд самарских земских врачей. Не признавая зависимости земских учреждений, Хардин не согласовывал свои действия с губернатором. О нем заговорили как о неблагонадежном. В 1873 году возникли слухи о «крамоле» учащихся и учащих в школе учительниц. Была назначена ревизия, и, хотя ничего крамольного не выявили, А. Н. Хардин вынужден был оставить службу в земстве по распоряжению из Петербурга. Дело усугубилось еще тем, что Хардин как председатель земской управы не пожелал представиться новому самарскому губернатору Климову. В результате Андрей Николаевич был не только уволен, но выслан из Самары в Екатеринбург. Летом 1878 года он вернулся в Самару и занялся адвокатской практикой, начав работать присяжным поверенным при Самарском окружном суде. Он быстро завоевал авторитет знающего право юриста. Одновре-

¹ М. В. Анненкова. Пусть догорит свеча. — «Новый мир», 1957, № 4, с. 152.

² ГАКО, ф. 468, оп. 1, ед. хр. 78 а, с. 2.

менно А. Н. Хардин сделался одной из центральных фигур либеральных кругов Самары¹.

В 1889 году с ним познакомился прибывший в Самару негласно поднадзорный бывший студент Казанского университета Владимир Ульянов, который, по словам Д. И. Ульянова, «любил бывать у Хардина, первое время больше из-за шахмат, а потом, когда сдал экзамены по юридическому факультету и записался у Хардина помощником присяжного поверенного, их связывали уже общие дела судебного характера»².

По воспоминаниям А. И. Ульяновой-Елизаровой, Владимир Ильич ценил А. Н. Хардина как юриста, человека очень умного³.

В феврале 1897 года Владимир Ильич по пути в сибирскую ссылку, во время часовой стоянки поезда в Самаре, успел побывать у Хардина⁴. Есть свидетельство, что он также заходил к нему в начале июля 1900 года, когда был в Самаре проездом из Уфы для переговоров с местными социал-демократами о подготовке к изданию газеты «Искра»⁵.

Высоко ценил и А. Н. Хардин Владимира Ильича как юриста. Сын земского начальника Алексея Ивановича Самойлова (1850—1897), у которого письмоводителем служил А. П. Скляренко, Николай Алексеевич Самойлов (1877—1940), тоже юрист, писал в своих заметках «Некоторые указания для исследования биографии тов. Ленина в период бытности его помощником присяжного поверенного»: «...В начале девятисотых годов мне приходилось слышать от Хардина сожаление, что Ленин не пошел по пути цивилиста»⁶ (юриста по гражданскому праву. — Авт.).

В 1902 году помощница секретаря Бюро русской организации «Искры» Мария Ильинична Ульянова обратилась к Хардину, которого она знала еще гимназисткой, с просьбой разрешить присылку на его адрес журнала «Освобождение» — органа русской либеральной буржуазии, проводившего идеи умеренно-монархического либерализма. Этот журнал, только что начавший выходить за границей, интересовал «искровцев». А. Н. Хардин согласился, Г. М. и З. П. Кржижановские писали редакции «Искры» 27 октября 1902 года: «Нельзя ли устроить через вас посылку «Освобождения» на адрес присяжного поверенного Хардина?»⁷.

Получив через Хардина номер журнала «Освобождение», М. И. Ульянова сообщала редакции «Искры» 14 ноября 1902 года: «Нас

¹ Некролог. А. Н. Хардин. «Волжское слово», 1910, 9 февраля.

² Д. И. Ульянов. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., 1974, с. 57.

³ А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности. М., Партиздат, 1934, с. 28.

⁴ Ю. Амнатов, М. Веселина, Л. Зуева. Пополнение фондов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1974, № 6, с. 117.

⁵ Неопубликованные воспоминания А. И. Арнольд.

⁶ «Пролетарский суд», 1925, № 3.

⁷ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. Т. 2, М., 1969, с. 418.

было беспокоил самый факт существования «Освобождения», но, прочитав номер 7, позлились, поспорили немало и успокоились. Такие конкуренты не опасны. Ни огня, ни ярости, ни одной бодрой и тонкой мысли»¹.

Эту характеристику, данную М. И. Ульяновой журналу «Освобождение», можно с полным правом отнести и к образованной в октябре 1905 года либеральной буржуазией конституционно-демократической партии, председателем Самарского комитета которой был избран А. Н. Хардин, ставший одним из основателей газеты «Волжское слово». Как руководитель этой газеты А. Н. Хардин не раз подвергался штрафу за «противоправительственные» статьи.

А. Н. Хардин также был занесен жандармами, как личность подозрительная, ведущая знакомства с поднадзорными, в упоминавшийся ранее «Алфавит»².

Другой не менее известный самарский адвокат, также уроженец Самарской губернии, Григорий Александрович Клеменц в своих воспоминаниях пишет, что Владимир Ильич находился с Хардиным в близких отношениях до самой смерти последнего в 1910 году, причем и после его смерти относился к его памяти с большим уважением³.

Только что упомянутый присяжный поверенный Григорий Александрович Клеменц (1846—1932) тоже был видным либералом в старой Самаре и не без основания считался жандармами неблагонадежным и был поэтому внесен в их кондуит⁴. Он был близко знаком с Софьей Перовской и привлекался по делу 1 марта 1881 года. По окончании Петербургского университета по юридическому факультету Г. А. Клеменц работал секретарем Самарского окружного суда и старшим нотариусом, в 1878 году перешел на должность мирового судьи в селе Екатериновке, что на Волге. В 1881 году он снова переехал в Самару, где унаследовал от скончавшегося в этом году отца два небольших одноэтажных дома на Алексеевской улице (теперь Красноармейская, 38 и 40), и был принят в число присяжных поверенных при Самарском окружном суде⁵.

Из обнаруженных недавно документов видно, что в 1887 году Г. А. Клеменц вместе со своим письмоводителем Г. Андреевым, участником революционного движения в Самарской губернии еще в начале 1870-х годов, неоднократно побывавшем в тюрьмах, вошел в революционный кружок, образовавшийся вокруг высланного в Самару из Петербурга близкого товарища казненного Александра Ульянова Ивана Николаевича Чеботарева. Последний жил во флигеле дома Г. А. Клеменца и М. Т. Елизарова, также высланного из Петербурга за знакомство с Александром Ульяновым⁶. Созданный ими революци-

¹ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. Т. 2. М., 1969, с. 465.

² ГАКО, ф. 468, оп. 1, ед. хр. 78а, л. 218.

³ См.: «Коммуна» (Самара), 1924, 23 апреля.

⁴ ГАКО, ф. 468, оп. 1, ед. хр. 78а, л. 63.

⁵ Там же, л. 218.

⁶ Друзья А. Ульянова — «Волжская коммуна». 1965. 22 декабря,

онный кружок не раз собирался в этом флигеле, в котором жили и некоторые другие его участники, а также старый народник Николай Степанович Долгов. Полиция неотступно следила за домами Клеменца, производила обыски у жильцов во флигеле¹. Во время такого обыска в ночь на 14 января 1888 года у И. Н. Чеботарева были изъяты три письма Анны Ильиничны Ульяновой из Кокушкина². Летом 1892 года Г. А. Клеменц познакомился в ресторане Корнилова на Алексеевской площади (теперь площадь Революции) с новым помощником присяжного поверенного А. Н. Хардина молодым юристом Владимиром Ильичем Ульяновым. Разговор их, как вспоминает Г. А. Клеменц³, был не беседой, а рядом быстрых и участливых вопросов Ульянова о брате Г. А. Клеменца — Дмитрие Александровиче⁴, оставшемся после пятилетней ссылки на жительство в Минусинске. В конце встречи Владимир Ильич попросил у Г. А. Клеменца разрешения посетить его. Далее Клеменц утверждает, что уже вскоре Ульянов заходил к нему «как-то» вечером, правда, в его отсутствие.

Ближе с Владимиром Ильичем Ульяновым Г. А. Клеменц познакомился в январе 1893 года, когда они вместе участвовали в рассмотрении гражданского дела по иску купца А. И. Константинова к приказчикам А. Шимковичу и Л. Брискеру, причем интересы Шимковича защищал Г. А. Клеменц, а Брискера — В. И. Ульянов. И хотя Самарский окружной суд удовлетворил иск Константинова, но Саратовская судебная палата по апелляционной жалобе В. И. Ульянова и Г. А. Клеменца отменила решение Самарского окружного суда и отказала в иске купца А. Константинова.

Интересно, что репетитором старшего сына Г. А. Клеменца Александра был Матвей Иванович Семенов (Блан) (1867—1940), впоследствии член марксистского кружка, организованного В. И. Лениным⁵, а младшего, Михаила, — Сергей Львович Тейтель, брат Я. Л. Тейтеля, бывший студент Московского университета, исключенный за революционную деятельность и высланный в Самару под надзор полиции⁶. Дочь А. Г. Клеменца Софья была замужем за сыном А. Н. Хардина Владимиром⁷.

В августе 1966 года в доме, принадлежавшем Г. А. Клеменцу, в

¹ ГАКО, ф. 3, оп. 174, ед. хр. 19, л. 9.

² См.: Выписка из постановления поручика Самарского ГЖУ Александровича. «Волжская коммуна», 1965, 22 декабря.

³ См.: «Коммуна» (Самара), 1924, 23 апреля.

⁴ Клеменц Дмитрий Александрович (1848—1914). В начале 70-х годов студент Петербургского университета, активный участник кружка «чайковцев». Вел пропаганду в Петербурге, Москве и Ярославской губ. В 1876 г. скрылся за границу. Участвовал в Герцеговинском восстании. Жил в Женеве и Париже, сотрудничал в журн. «Вперед» и «Община». В 1878—1879 гг. редактировал в России нелегальный журн. «Земля и воля». В 1879 г. арестован и в 1881 г. выслан в Сибирь, где по окончании пятилетней ссылки вел большую научную работу по изучению Сибири, Восточного Туркестана, Центральной Азии. В 1890-х годах вернулся в Петербург, занимался антропологией и этнографией.

⁵ См.: Ленин и Самара. Куйбышев, 1966, с. 333.

⁶ См.: Письмо М. Г. Клеменца от 2 марта 1964 г. В. Н. Арнольду.

⁷ См.: То же письмо.

котором он сам жил с семьей, была обнаружена комнатка-тайник с входом через замаскированный лаз в шестке русской печки. В тайнике ничего не оказалось, но на чердаке была найдена часть личного архива Г. А. Клеменца¹. Здесь были истлевшие черновики гражданских дел, письма, среди которых находилось письмо Д. А. Клеменца из ссылки в Самару матери Софье Григорьевне, листок ее дневника, в котором, между прочим, есть такие строчки: «1886 года 9 сентября Митя освобожден от надзора для проживания, где ему удобно, и он остался в Минусинске». Но самой интересной и дорогой находкой оказалась визитная карточка самарского купца Луки Никитича Ясенкова с записанным на ней адресом Владимира Ильича в доме Рытикова².

Ни у одного из сомнительных в политическом отношении юристов, о которых рассказано выше, не было таких многолюдных раутов, как у судебного следователя Якова Львовича Тейтеля, еврея по происхождению. Еще учась в Московском университете, он был связан с группой студентов-революционеров, хранил их нелегальную литературу, хотя активного участия в революционной деятельности не принимал. Окончив юридический факультет, работал в Казанской судебной палате, потом в Пермской губернии. В конце 1877 года он был назначен следователем в Старый Буян Самарского уезда. Там он вел знакомство с земским врачом К. И. Гауэнштейном, судившимся по процессу 193-х, и социал-демократом Юнеевым, находившимся в переписке с Бебелем. В 1881 году Я. Л. Тейтель был переведен судебным следователем в Самару, где работал до 1904 года, а затем переведен в Саратов. Я. Л. Тейтель был известен прежде всего тем, что являлся единственным во всей тогдашней России евреем, которого допустили к работе судебным следователем. Он, как и все судейские чиновники, получал чины и награды. В «Самарской газете» от 8 января 1887 года в разделе «Самарская хроника» было напечатано следующее сообщение: «Высочайшие награды. Государь Император в воздаяние отличной и усердной службы нижепоименованным лицам 1 января 1887 г. всемилостивейше соизволил пожаловать ордена... судебному следователю 4 участка Самарского уезда Я. Л. Тейтелю Св. Станислава 4-й степени».

Квартира Я. Л. Тейтеля в Самаре 90-х годов была одним из умственных центров города. «По утрам дверь тейтелевской квартиры, — вспоминает писатель А. Треплев (Смирнов), — не переставала хлопать, пропуская всякого рода «просителей» и «клиентов», излагавших свои нужды, если не Я. Л., которого нелегко было уловить, то его жене Екатерине Владимировне...» А «по вечерам к Тейтелям всегда кто-нибудь приходил, не стесняясь ни отсутствием приглашения, ни костюмом, ни даже временем посещения; хоть в 12 часов ночи. В назначенный же день и экспромтом происходили целые сбори-

¹ См.: Н. Драгин. Находка на чердаке.—«Волжская коммуна», 1966, 31 августа.

² В. Арнольд. Адрес на визитной карточке... — «Волга», 1967, № 5.

ща»¹. А вот что пишет в своих воспоминаниях о Гарине-Михайловском Максим Горький о гостиной Тейтеля, в которой он познакомился с ним и со своей будущей женой Катей Волжиной: «Там, в его квартире, ежедневно собирались все живые, наиболее интересные люди города, впрочем — не очень богатого такими людьми. У него бывали все, начиная от председателя окружного суда Анненкова, включая марксистов... Бывали адвокаты-либералы и молодые люди неопределенного рода занятий, но очень преступных мыслей и намерений. Странно было встречать таких людей «вольными» гостями судебного следователя, тем более что они отнюдь не скрывали ни мыслей, ни намерений своих»².

Сам Я. Л. Тейтель вспоминает о своем «клубе»: «Состав интеллигенции часто менялся, и ссыльные политические останавливались в Самаре. Поэтому поводов для вечеров было достаточно... На этих вечерах происходили интересные споры по разным политическим вопросам»³.

Среди посетителей дома Тейтеля в 1892—1893 годах был и молодой адвокат Владимир Ильич Ульянов. Тейтель вспоминает: «Ленин, тогда еще совсем юный, не вмешивался в разговоры; человек замкнутый, он любил прислушиваться к спорам»⁴. Такое поведение вполне понятно: у Тейтеля собирались разные люди, и высказывать здесь свои взгляды не только не имело смысла, но было просто опасно.

Работая в Самаре, Тейтель одно время исполнял даже обязанности судебного следователя по важнейшим делам. Окружной суд неоднократно выбирал его в члены коллегии, но Министерство юстиции не утверждало его, как еврея. В министерстве знали о том, что в его квартире происходят, как выражался Тейтель, «сборища неблагонадежных элементов», были недовольны его общественной деятельностью, считали нежелательным иметь еврея членом суда. И все же Тейтель стал в 1903 году членом Самарского окружного суда, а затем Саратовского. 1 января 1912 года Я. Л. Тейтель был произведен в чин действительного статского советника, а 7 января был уволен в отставку с пенсией и мундиром. Поскольку чин действительного статского советника был дан при отставке, то по существовавшему закону Тейтель лишился права на потомственное дворянство.

Сам Я. Л. Тейтель под надзором полиции не состоял. Поднадзорными были его жена Екатерина Владимировна с 1887 года «ввиду сомнительной политической благонадежности»⁵ (в 1900 году негласный надзор был заменен наблюдением) и брат, бывший студент, Израиль (после крещения Сергей) Львович Тейтель, живший у Якова Львовича⁶.

¹ Тrepлев. Максим Горький в Самаре. — В сб.: Максим Горький и Самара. Куйбышев, 1968, с. 57.

² М. Горький. Полное собрание сочинений. Т. 17, 1952, с. 67.

³ Я. Л. Тейтель. Из моей жизни за 40 лет. (Микрофильм). Париж, 1925.

⁴ Там же.

⁵ ГАКО, ф. 465, оп. 1, ед. хр. 410.

⁶ Там же.

Не успели Я. Л. и Е. В. Тейтели выехать в феврале 1904 года из Самары в Саратов, как вслед им полетело «отношение» начальника Самарского губернского жандармского управления Добрянского своему саратовскому коллеге: «Состоявшая под негласным надзором полиции, а ныне под наблюдением жена судебного следователя Екатерина Владимировна Тейтель совместно с мужем своим из г. Самары выехали на жительство в Саратов, куда муж ее переведен членом окружного суда. За время проживания в г. Самаре вышеназванная Тейтель, а также и ее муж вели постоянное сношение с лицами, в политическом отношении неблагонадежными»¹.

Судьба забросила Тейтелей за границу, где Яков Львович засел за воспоминания, которые в 1923 году печатались с продолжением на еврейском языке в одной нью-йоркской газете², а затем в 1925 году, вышли отдельным изданием на русском языке в Париже³.

Если В. И. Анненков, А. Н. Хардин, Г. А. Клеменц, Я. Л. Тейтель не состояли официально под надзором полиции, хотя за их домами и велось строгое наблюдение, то присяжный поверенный Карл Карлович Позерн (1843—1896) был первым записан в «Книгу на записку лиц, состоящих под негласным надзором полиции самарского полицмейстера», начатую в 1885 году⁴.

Сын обрусевшего выходца из Саксонии, Карл Карлович Позерн по окончании Московского университета в 1869 году был вынужден покинуть Москву «по прикосновению к нечаевскому делу» и поселился в Самаре, где вступил в сословие присяжных поверенных, а в 1881 году стал гласным городской думы. Он скоро сделался одним из крупнейших адвокатов Поволжья и видным прогрессивным общественным деятелем. Он принимал участие в устройстве народных чтений — первых в Самаре и продолжительное время работал в «Самарском обществе поощрения образования», поддерживавшем бедную учащуюся молодежь. За все это полицейские власти считали Позерна «красным» и не спускали с него глаз. К. К. Позерн и его жена Мария Сергеевна пользовались в Самаре исключительной популярностью, как талантливые драматические артисты, выступавшие не только на любительской сцене, но иногда и на сцене городского театра вместе с профессионалами⁵.

К. К. и М. С. Позери приняли живейшее участие в судьбе молодого писателя А. М. Пешкова, жившего в Самаре в 1895—1896 годах. В некрологе, напечатанном 21 апреля 1896 года в «Самарской газете» (№ 88), М. Горький писал: «Это была жизнь полная труда, хорошая жизнь человека, всегда руководившегося принципами и ставившего честь превыше всего».

К. К. Позерн до конца своей жизни оставался под надзором поли-

¹ ГАКО, ф. 465, оп. 1, ед. хр. 410.

² Письмо Я. Л. Тейтеля А. А. Смирнову из Берлина в Самару от 1923 г. Куйбышевский литературный музей им. М. Горького.

³ Я. Л. Тейтель. Из моей жизни за 40 лет.

⁴ ГАКО, ф. 465, оп. 1, ед. хр. 384, л. 3.

⁵ А. Трейлев, М. Горький в Самаре, с. 54—55.

ции, как политически неблагонадежный¹, хотя революционные мысли у него, по выражению В. И. Ленина, давно уже «выветрились»².

Вторым поднадзорным присяжным поверенным был Иосиф (или Осип) Григорьевич Гиршфельд (1862—1913). В 1882 году, будучи студентом Петербургского университета, он за участие в студенческих волнениях был исключен из университета и подчинен негласному надзору полиции с высылкой из Петербурга, после чего он жил некоторое время в Самаре у своей сестры.

Через год Гиршфельду разрешили поступить в Казанский университет.

Будучи студентом Казанского университета, а затем, по окончании его, работая помощником присяжного поверенного, Гиршфельд принимал активное участие в существовавших среди казанской молодежи землячествах, устраивал у себя дома вечера и концерты в пользу учащихся, на которых произносил противоправительственные речи³. На основании этих сведений 21 декабря 1887 года Гиршфельд был арестован, заключен в тюрьму и привлечен по делу о волнениях в Казанском университете 4 декабря 1887 года. В 1888 году Гиршфельду было запрещено жить в университетских городах и он снова приехал в Самару, записался помощником присяжного поверенного к А. Н. Хардину, а затем стал самостоятельным присяжным поверенным⁴.

Владимир Ильич знал Иосифа Григорьевича еще по Казани. На его квартире собирались члены симбирско-самарского землячества, среди которых был и только что поступивший на юридический факультет Владимир Ульянов.

Двери квартиры Гиршфельда были в Самаре широко открыты для молодежи. Здесь устраивались вечеринки, а на святках, когда в Самару съезжались из разных городов на каникулы студенты, происходили костюмированные балы-маскарады. В них принимал участие и Владимир Ильич⁵. Зимой 1890 года он познакомился у Гиршфельда с женщиной лет 30 и молодой женщиной, которая, как потом оказалось, была сестрой Иосифа Григорьевича — Юлией Григорьевной. Мужчина был ее муж Аполлон Александрович Шухт, юнкер, разжалованный за организацию революционных кружков в армии и приехавший после трехлетней ссылки в Самару под негласный надзор полиции. С семьей Шухт В. И. Ленин и все Ульяновы впоследствии поддерживали самые близкие дружеские отношения.

Знакомство членов Самарского марксистского кружка с лицами, о которых рассказано выше, и посещения их домов помогали кружковцам в организации помощи заключенным, приискании заработка и в конспирации.

¹ ГАКО, ф. 465, оп. 1, ед. хр. 95, л. 46.

² А. Беляков. Юность вождя. М., 1960, с. 42.

³ Полковник Гангардт, начальник Казанского ГЖУ. Политический обзор Казанской губернии за 1887 г. ЦГАОР, ДП 3, 1888, ед. хр. 89, ч. 30.

⁴ ГАКО, ф. 3, оп. 169, ед. хр. 75.

⁵ Ф. Ф. Вентцель. Таким я его помню — В сб.: Жизнь не подвластна времени. Л., 1965, с. 15—17.